

Для Малыша Но-Но мама Хэ была лишь недавно знакомым человеком, а дворецкий Цзинь — тем, с кем он проводил каждый день. Дворецкий Цзинь протянул руки, чтобы взять Малыша Но-Но, и тот тут же обнял его за шею, заглядывая в дверь и жалобно зовя:

— Папочка.

Дворецкий Цзинь погладил его по голове и мягко сказал:

— Папочка сейчас занят, Но-Но, давай подождём снаружи, хорошо?

Малыш Но-Но наклонил голову, посмотрел на закрытую дверь и, неохотно кивнув, прижался к плечу дворецкого Цзиня, жалуясь:

— Хочу спать.

Дворецкий Цзинь тут же начал его укачивать:

— Тогда Но-Но пойдёт с бабушкой спать, хорошо?

Малыш Но-Но поднял голову, наклонил её набок и, глядя на дворецкого Цзиня, с недоумением спросил:

— Бабушка?

Дворецкий Цзинь тут же повернул Малыша Но-Но к маме Хэ и ласково сказал:

— Да, это твоя бабушка.

Малыш Но-Но, глядя на маму Хэ, с удивлением произнёс:

— Бабушка?

Мама Хэ тут же покраснела от слёз и ответила:

— Да, я.

Малыш Но-Но уставился на маму Хэ, не говоря ни слова, словно что-то обдумывая.

Дворецкий Цзинь воспользовался моментом и сказал:

— Но-Но сначала пойдёт с бабушкой спать, хорошо? Когда папочка освободится, он придёт к тебе.

Малыш Но-Но, будучи послушным, тут же кивнул и протянул руки к маме Хэ, чтобы та взяла его.

Мама Хэ, с сердцем, полным нежности, взяла его на руки и мягко сказала:

— Но-Но пойдёт с бабушкой спать, хорошо?

Малыш Но-Но кивнул и уютно устроился на руках у мамы Хэ.

Мама Хэ, глядя на такого послушного малыша, почувствовала, как сердце её тает.

Папа Хэ хотел что-то сказать, но в конце концов промолчал.

После того как мама Хэ ушла с Малышом Но-Но, папа Хэ закурил сигарету, глядя на закрытую дверь с беспокойством. Доктор Гоу тоже смотрел на закрытую дверь, и, спустя долгое время, не выдержал и спросил:

— Дядя Хэ, что случилось с Дачжуаном?

Папа Хэ повернулся к дворецкому Цзиню, усмехнулся и, сделав глубокую затяжку, сказал:

— Что случилось? Ты можешь спросить у человека рядом, возможно, он знает больше, чем я.

Дворецкий Цзинь, глядя на папу Хэ, объяснил:

— Дядя Хэ, мы...

— Нет, нет, не надо «дяди». Я не заслуживаю этого, — папа Хэ резко прервал его, с сарказмом в голосе.

Дворецкий Цзинь, несмотря на такие слова, не рассердился, лишь ненадолго замолчал, а затем сказал:

— Господин Хэ, мы узнали о молодом господине Хэ только сегодня и не знаем подробностей его состояния.

Папа Хэ усмехнулся и, глядя на дворецкого Цзиня, сказал:

— Не знаете подробностей? Хочешь, я расскажу?

Не дожидаясь ответа, он тут же начал:

— В тот день Чжуан получил пулю вот здесь. — Папа Хэ указал на своё сердце, его глаза полны боли. — Знаешь, кровь лилась рекой. Когда мы доставили Чжуана в больницу, нам сказали, что он безнадежен. Знаешь, как мне хотелось убить Цзинь Жуя в тот момент? Но Небеса были милостивы, оставив нашему Чжуану глоток жизни и приведя нас к Старейшине Юаню. Чжуан пролежал в постели две недели, не в силах пошевелиться. Каждый день Старейшина Юань делал ему уколы, и каждый день он страдал от судорог, едва выживая. Он ничего не мог есть, превратившись в кожу да кости. Знаешь, каково это, когда нож режет твоё тело? Наш Чжуан переживал это каждый день, нож, вонзающийся в его сердце. Ты понимаешь эту боль? Нет, ты не понимаешь, потому что у тебя нет сердца, как ты можешь понять?

Дворецкий Цзинь молчал, глядя на папу Хэ. Он знал, что Хэ Дачжуан пережил много страданий, и, судя по тому, что он только что увидел, таких моментов за последний год было немало.

Доктор Гоу тоже молчал. Он не знал, через что прошёл Хэ Дачжуан, но мог представить, что это было нелегко.

Он врач, он знает, как трудно и мучительно восстанавливать повреждённое сердце.

Вспоминая страдания Хэ Дачжуана за этот год, он почувствовал тяжесть в груди. А услышав слова мамы Хэ, он почувствовал себя ещё хуже.

Дворецкий Цзинь, долго смотря на папу Хэ, наконец не выдержал и спросил:

— Господин Хэ, правда ли, что молодой господин, как сказала мама Хэ, не проживёт и пяти

лет?

Папа Хэ, услышав это, снова помрачнел и, усмехнувшись, сказал:

— Что, он слишком долго живёт, и ты хочешь, чтобы он поскорее умер?

Дворецкий Цзинь, с тревогой, сказал:

— Господин Хэ, вы знаете, я не это имел в виду.

Папа Хэ резко повернулся, с ненавистью в глазах:

— Не это имел в виду? Тогда что? Что наша семья Хэ сделала вашей семье Цзинь в прошлой жизни, что вы так мучаете нас в этой?

Наша семья, которая была счастлива два года назад, теперь разрушена, одни мертвы, другие ранены. Теперь, когда Чжуан наконец спасён, чего вы ещё хотите? Жизнь Цзинь Жуя — это жизнь, а жизнь нашего Чжуана — нет?

Даже если мы что-то должны вам в прошлой жизни, разве после того, как Чжуан получил пулю, это не должно быть выплачено? Или вы действительно хотите, чтобы он умер, чтобы вы наконец успокоились?

Дворецкий Цзинь, в отчаянии, начал оправдываться:

— Нет, господин Хэ, молодой господин не знал, что в семье был предатель. Если бы он знал, он никогда бы не позволил этому случиться.

Вы знаете, как сильно он любит молодого господина Хэ, он готов отдать за него жизнь, он готов на всё. В его сердце молодой господин Хэ важнее всего.

Господин Хэ, вы не должны так неправильно понимать молодого господина.

— Он любит Чжуана? Он любит Чжуана, принуждая его оставаться рядом? Он любит Чжуана, держа его, как собаку, не позволяя никуда ходить? Он любит Чжуана, привязывая его к кровати и издеваясь над ним? Это его любовь? Это то, что вы называете любовью? — Папа Хэ, глядя на доктора Гоу, громко спрашивал.

Дворецкий Цзинь был ошеломлён словами папы Хэ, потому что они были правдой. Цзинь Жуй действительно делал всё это.

Но в основе этих поступков лежала любовь Цзинь Жуя к Хэ Дачжуану.

Но папа Хэ и другие видели в этой любви только боль.

Дворецкий Цзинь замолчал. Он понял, что сейчас любые слова только разозлят папу Хэ ещё больше. Лучше молчать.

Доктор Гоу тоже поспешил успокоить папу Хэ, сказав, чтобы он не злился, ведь Дачжуан всё ещё в комнате на лечении, и не стоит мешать.

Папа Хэ глубоко вздохнул, пытаясь сдержать гнев.

Доктор Гоу и дворецкий Цзинь смотрели на закрытую дверь, надеясь, что с Хэ Дачжуаном всё

будет хорошо. Хоть бы ничего не случилось.

Цзинь Жуй стоял рядом, наблюдая, как напряжённые брови Хэ Дачжуана постепенно расслабляются, и его сердце тоже успокоилось.

Прошло неизвестно сколько времени, и Старейшина Юань начал вынимать иглы одну за другой.

Цзинь Жуй, увидев, как последняя игла вышла из тела Хэ Дачжуана, тут же подхватил его на руки, накрыл одеялом.

Старейшина Юань хотел сказать, чтобы Цзинь Жуй не трогал Хэ Дачжуана, но, увидев, как тот смотрит на него, не отрывая глаз, лишь вздохнул.

Уже глубокая ночь, и Старейшина Юань, уставший после всей этой суеты, зевнул и начал собираться уходить.

Цзинь Жуй в этот момент поднял на него глаза и спросил:

— Его можно вылечить?

Старейшина Юань поднял глаза и, усмехнувшись, сказал:

— Конечно, если ты отдашь ему своё сердце.

Цзинь Жуй, словно поверив ему, серьёзно посмотрел на Старейшину Юаня и сказал:

— Хорошо, я организую операцию.

Старейшина Юань рассмеялся, глядя на Цзинь Жуя, как на дурака:

— Если он так тебе дорог, почему ты допустил, чтобы он так страдал?

Он не знал истории Хэ Дачжуана и Цзинь Жуя, но он не был слеп.

Некоторые раны на теле Хэ Дачжуана уже почти исчезли, но, если присмотреться, их всё ещё можно увидеть. А те шрамы, которые невозможно стереть, любой, у кого есть глаза, мог догадаться, как они появились.

<http://bllate.org/book/16150/1448238>